

СТАРООБРЯДЦЫ СЕЛА ГУРЬЕВ КАЗАЧОК НА ХАРЬКОВЩИНЕ: ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ТРАДИЦИИ

Михаил Красиков

DOI: <https://doi.org/10.58726/langlit-65-84>

Ключевые слова: *Украина, Харьковская область, религия, староверы, быт, фольклор, история*

Старообрядчество на Харьковщине не назовешь неизученным, однако фольклористы и этнологи до сих пор его, по сути, не касались, разве что в некоторой степени этнолингвист Вера Чубова, исследовавшая определенные аспекты ментальности жителей сел Староверовка-1 и Охочее Нововодолажского района [см., напр.: 10]. Историки в течение последних двух десятилетий опубликовали ряд весьма содержательных работ о борьбе царского правительства и православной церкви с харьковскими старообрядцами в XIX в. [1, 7, 8]. В 2018 г. вышла фундаментальная монография П.В. Еремеева [4] на основе его кандидатской диссертации «Старообрядцы Харьковской губернии (1825-1917): социальная структура и количественные характеристики» [5], где имеется детальная информация о государственном учете старообрядцев, о локализации их в регионе, о практике сокрытия веры частью мужчин-староверов. Тем не менее, эти замечательные труды, основанные на архивных документах, насыщенные цифрами и географическими названиями, дают все-таки неполное представление о жизни конкретной старообрядческой общины и тем более о судьбах ее представителей.

Первым шагом в направлении комплексного изучения жизни отдельного староверческого поселения стал выход двухтомника «Гурьев Казачок (1672-2015): краеведческие очерки и материалы», посвященного истории, быту и нравам староверов, авторства известного краеведа, основателя и директора Историко-краеведческого музея села Гурьев Казачок Золочевского района Харьковской области Василия Павловича Гурьева [2, 3].

В 2000 г. нам довелось быть в экспедиции в данном селе, а также в соседнем селе Уды, где тоже частично жили староверы, и сделать ряд записей (часть из них опубликована в качестве приложения во втором томе труда В. П. Гурьева). Опираясь на эти материалы и записанные на протяжении многих лет местным краеведом Василием Гурьевым, мы попытаемся вкратце дать характеристику духовной культуры и уклада жизни обитателей одного из самых старых старообрядческих сёл на Харьковщине – Гурьева Казачка.

Как справедливо заметил П. В. Еремеев, хотя по количеству староверов Харьковская губерния занимала одно из последних мест в Российской империи, в регионе существовали давние старообрядческие традиции [5, 2]. Некоторые села или части некоторых сел (например, в Удах) до сих пор сохранили свое старинное название – Староверовка.

Вопреки общераспространенному мнению о том, что старообрядцы, гонимые за веру, селились в глухих местах чуть ли не самовольно, топонимическая легенда с. Гурьев Казачок гласит, что основатель села казак Гурий был пожалован в 1672 г. землею за сторожевую службу в этих местах в середине XVII в., когда здешний край еще именовался Диким Полем и набеги татар происходили постоянно.

Сведений о конфликтах гур-казачан с властями и господствующей православной церковью в XVII-XVIII вв. народная память не сохранила, а документы этого периода пока не найдены. Однако известно, что в XIX в. борьба с раскольниками шла полным ходом. Архиепископ Харьковской епархии Филарет писал: «В сем приходе с давнего времени очень многие заражены были расколом поморской беспоповщины, они имели у себя две часовни: одну в селе Уды, а другую в хуторе Козачка <Гурьев Казачок> и содержали бродяг, лжеучителей. Со времени поступления на приход священника Николая Ничкевича, с 1830 г. обратившего на них особенное внимание, секта их начала ослабевать. После увещаний любви терпеливой по благодати Божией в 1837 и 1839 г. обратил он 42 человек в право-

славную веру. По его же указанию гражданское начальство закрыло часовню их, выстроенную после 1826 г., в противность закону. В 1841 году преосвященный Смарагд архипастырскими увещаниями обратил 536 душ к единоверческой церкви. В 1847 г. часовня, существовавшая с давних пор в хуторе Козачке, сгорела до основания. Но секта еще не искоренилась. Ныне в сем приходе числится раскольников 20 муж. пола, 27 жен. пола. А в прежнее время их было: в 1826 г. 346 человек, в 1830 г. 397, в 1835 г. 535, в 1840 г. 612» [9, 175-176]. Современные комментаторы считают, что «часовня раскольников относится к началу XIX ст., но так как она была тайной, недозволенной к постройке, поэтому Филарет считает ее древней. Располагалась в небольшом деревянном доме, стоявшем в саду у главы раскольников» [6, с. 192]. По местным преданиям, моленный дом сгорел потому, что его подожгли. Службу верующие стали вести в доме наставника. В 1860 г. построили новый молитвенный дом. Народная память не сохранила факта перехода в единоверческую церковь кого-либо из гур-казачан. Судя по воспоминаниям старожилков, община в селе всегда была монолитна, стойко хранила древлеправославную веру поморского толка, наставник всегда был один, как и один молитвенный дом. Из коренных жителей, по утверждению В. П. Гурьева, в никонианство до 1917 г. перешло только 5 семей хутора Протопоповский Казачок.

Решительным шагом церковных и светских властей в сторону искоренения расколичества в Гурьевом Казачке стало строительство в 1881 г. в центре староверческого села православного храма. Местные жители вначале созидание церкви расценили как заботу о них и подумали, что это строят моленный дом, а посему помогали – чем могли. Когда же стали завозить православные иконы, подвох раскрылся. Возмущению староверов не было предела: они восприняли строительство «иноверческого» храма в самом сердце своего села как надругательство над их верой и памятью предков. В день открытия Николаевской церкви на праздник Николы летнего старообрядцы перекрыли вход в храм и не

пускали туда священников и прочих православных, приехавших из соседних деревень, преимущественно Курской губернии: Березовки, Казачье-Рудченска, Тарасенков, Климового, Цаповки, Ключников, Радченков, Протопоповского Казачка, Сот-Казачка, Басова. Седобородые старцы стояли со своими иконами, пели, молились. Только после вмешательства жандармов, арестовавших «бунтовщиков», церковь открыли. Зачинщиком признали Павла Протопопова – сослали на каторгу. Церковь как культовое учреждение просуществовала в селе до 1929 г., но прихожанами ее были, в основном, не выходцы из старообрядческих семей, а приезжие [2, 363].

Одной из причин стойкости в вере старообрядцев было убеждение, что за отступничество Господь карает не только самих отступников, но и их потомков. В качестве доказательства всегда приводились реальные жизненные истории. Например, история Николая Савельевича Гурьева. Без благословения родителей он решил взять в жены православную девушку. Но и родители девушки не хотели ее отдавать за старовера, и поп поставил условием венчания крещение в новую веру. Николай перешел в никонианство, причем во время обряда говорил, что отрекается от старой веры и принимает новую, а затем, как велели, плевал через плечо и затирал ногой. Прошло немного времени – заболела нога, стала усыхать. Врачи признали туберкулез кости. На всю жизнь остался хромым. Хромота передалась по наследству – и внук хромал на ту же ногу.

Весьма показательна и история Аграфены Петровны Гурьевой. В начале XX в. девушка-староверка сбежала из дома к учителю, стала модисткой. Сперва у молодых всё было хорошо: жили в согласии, не бедствовали. В семье родились двое мальчиков и девочка. Мальчики погибли в войну. Дочь стала учительницей. Однажды отец с дочерью шли лесом, их окружили волки и лишь чудом не тронули. Но дочь после пережитого сошла с ума и окончила свои дни в приюте для душевнобольных. Отец с матерью с горя спились и умерли в нищете.

Браки в селе до 1920-х гг. совершались почти исключительно

между односельчанами, нередко между родственниками (братья женились на двоюродных или троюродных сестрах, с которыми часто росли в одной хате). Если и женились на иноверках, то они обязательно должны были принять староверие.

Замкнутость старообрядцев была притчей во языцех у жителей окрестных сел. Все знали, что в Гур-Казачке воду прохожему дадут только из специальной кружки, за стол рядом с собой не посадят. Впрочем, газета «Южный край» в 1891 г. писала: «На хуторе Гурьев-Казачок Удянской волости Харьковского уезда заботами местных землевладельцев Григория Ивановича и Ивана Ивановича Шафоростовых и с помощью земства выстроена школа, в которую стали отдавать учиться своих детей и староверы-беспоповцы, населяющие хутор. Дети, конечно, чуждые религиозных пред-рассудков своих родителей-староверов, с великой охотой посещают школу. Родители также, как кажется, остыли в своей закоре-нелой вражде ко всему православному и, по крайней мере, зная, что их дети присутствуют на уроках Закона Божия по своему желанию, не препятствуют этому. Мало того, самые рьяные из них уже стали забывать обычай носить с собой ложку и чашку, чтобы при встречах с православными не осквернять своих уст, и спокойно едят и пьют из одной посуды с православными» [2, 414].

Тем не менее нетерпимое отношение к «святным» (иноверцам) сохранялось во многих старообрядческих семьях вплоть до 1960-х гг. В конце 1940-х гг. Иван Филиппович Гурьев (1924-2009), сын Филиппа Кузьмича Гурьева (1873-1963), бывшего 14 лет наставником в селе, захотел жениться на девушке из соседнего села. «Осмелился рассказать родителям. Мать молчит, а отец и слушать не хочет, протестует. Ведь такого в селе, среди староверов, не было случая. Отец из себя вышел, кричит: “Как ты осмелился святную невестку в дом вести, она другой веры! Ты дьяволу продался, нашу святую веру нарушил! Не дождешься моего благословения”. Я пошел наперекор воли отца. Взять-то взял, а сколько пришлось пережить и перетерпеть! Жене напиток воды с той кружки, что мы

пьем, нельзя – грех. Покушать – надо отдельную для нее посуду. Станет готовить обед – отец рядом, чтоб мяса в борщ не положила во время поста. На каждом шагу упрекает, заставляет принять веру старообрядцев. Вот так строго придерживались у нас старинных обрядов и обычаев.

В такой атмосфере жить стало невыносимо, решили отделиться. Переселились на хутор Тряснэ. Отец так и не простил, всю жизнь упрекал за иноверку. Так и не дал родительского благословения. Всё твердил: “Не будет тебе жизни, накажет Господь”» [2, 380-381].

Дистанцироваться от православных старообрядцы желали и на том свете: хоронили они своих покойников вдали от никонианцев: «Кладбище староверов было отдельно. И православного Боже сохрани там хоронить – никогда не хоронили. А сейчас у нас всех скопом»¹ [3, 518].

Нравы у староверов были строгие. В селе до 1920-х гг. никто не курил. Это считалось большим грехом. Если замечали окурок на колодце (который, как правило, закрывался на замок) или в колодце, копали новый. Староверы не брили бороды. «Бритоуса» презирали и исключали из общины. Посты всегда соблюдались сурово. «Однажды у Степана Кондратовича Гурьева заболела жена. Случилось это под Пасху на Страстной неделе. Плачет ребенок, мать не может покормить. Идет отец брать разрешение, чтоб покормить малютку молоком от коровы. Долго наставник не соглашался, всё твердил: “Не могу такой грех брать на себя!” Отец не отстает, просит: “Смилуйся, батюшка! Ведь до Пасхи два дня!” С трудом таки удалось уговорить наставника» [2, 368].

Особенно строгие дни в Гур-Казачке были в первую и последнюю неделю Великого поста. В первую неделю от понедельника до среды староверы не употребляли никакой пищи. Даже воздерживались от воды. Только в среду после вечерни разрешалась постная трапеза. Во все дни недели употребляли только

---

¹ Записал М.М. Красиков 14.08.2000 в с. Гурьев Казачок Золочевского района Харьковской области от Фёклы Филипповны Гурьевой 1921 г. р.

холодные блюда без постного масла, во вторник и четверг ели горячую пищу (борщ, кашу) без постного масла. В субботу и воскресенье разрешалось готовить блюда с постным маслом (поместному – олеёй), можно было пить и вино, но не водку.

Когда разговлялись, принимали напитки и покрепче, но знали норму. Родители не позволяли себе терять человеческое достоинство на глазах у детей, соседей, односельчан. Они больше шутили, ударялись в воспоминания. Знали свою родню до пятого колена. За чашкой чая пели стихи духовного содержания: «Жил юный отшельник», «С другом я вчера сидел», «Умоляла мать родная», «О лени» и другие. В приложении к статье приводим духовные стихи, записанные В. П. Гурьевым.

Существенно различались календарные праздники староверов и никонианцев, в частности Рождество и Новый год: «У старообрядцев кутьи не было. У православных заносили сноп связанный и приговаривали: „Расти овес зернистый, колосистый“» [З, 483]; «У старообрядцев не ходили щедровать – это только православные» [З, 486]; «На Рождество сено клали на стол только у православных. На Рождество ходили на всеобщую молитву и православные, и старообрядцы» [З, 483]; «На Рождество в каждый двор старики-староверы ходили христославили. Кто хоче угостить – стопку нальет, пообедать посодя. К православным они не заходили – только к староверам» [З, 483].

От потомков староверов нами были записаны и календарные песни, и лирические, и свадебные, и даже частушки (правда, немного), подобные тем, которые были распространены и в православных русских селах района. Однако информанты вспоминали, что старики негативно относились к песням и танцам. Считалось, что петь можно только молитвы. Оттуда, где молодежь устраивала танцы, старушки уводили детей: «Не смотрите бесовские пляски, там земля провалится!» И. Ф. Гурьев вспоминал: «Однажды (это было в пост Страшной недели) пришел со школы. Мне понравилась песенка (разучивали на уроке) “Заинька, умойся! Заинька,

попляши!” Залез на печь и давай петь во весь голос. Отец как подхватывается со скамейки – и до меня: “А ну, замолчи, нечестивый! Бесовские песни поешь! Ты сатане служишь! Надо молиться!”» [2, с. 382]. Когда же парень подрос, проблема отцов и детей встала со всей остротой: «Пришло время „парубковать”. Где ни появлюсь, а надо мной насмешки: “У отца всеночная, а ты на танцы”. Становилось обидно. Меня это унижало. В душе зарождался протест, бунт против родителей. Однажды отец подался в город по делам. Молодежь с патефоном просят ко мне: “У тебя просторная комната, пусти, поиграем, потанцуем”. Весело прошел вечер. Вернулся батя, узнал о нашем гулянье. Что только было! Ох, и досталось мне! Рассердился, кричит: “Как ты посмел приглашать безбожников! Опоганил хату! Ко мне молиться идут, а ты сатанинские пляски устроил! Опозорил меня!” И всё кадиллом, кадиллом окуривал по всем углам. В ту ночь не ночевал дома» [2, 383].

Технические новшества, появившиеся в селе в XX в., по рассказам старожилов, вызывали страх и смятение. «Это было в страду: по селу проехал на велосипеде учитель Филатов из соседнего села. Всё население высыпало на улицу. „Смотрите! Смотрите! Сатана на колесах!” – только и слышно было вокруг. Все со страхом смотрели вслед и неистово крестились. „Это не к добру”, – вещали старушки. “Это Сатана на двух колесах, нам дурную весть принес”, – вторили им старики. Весь день не работали. Все ждали, что будет дальше.

Иван Васильевич Гурьев, 1886 г. р., в 1932 г. впервые услышал и увидел, как движется трактор по дороге. Перепугался. Спрятался в канаве. Лежал вниз лицом и шептал молитву, просил: «Господи! Спаси меня от дьявольского творения, сохрани раба своего!» Поднялся, когда всё стихло и железное чудовище удалилось.

Впоследствии всё доказывал: “Не пускайте трактор на поля! Это от дьявола! Земля дымом пропитается, не даст урожая”. Со временем его сын Мефодий и внук Дмитрий стали трактористами. Работали на полях колхоза. Отец стал гордиться сыном и перестал бояться “железного коня”.

Крестьяне осторожно относились к новшествам. Во всём ждали подвоха. Жили скромно. Не обременяли себя жизненными благами.

Постепенно блага цивилизации входили в село. В 1954 г. село было электрифицировано. Поначалу старики отказывались проводить свет. Роптали: “Влиять будет на зрение”. Сейчас удивляются, как жили при лучине и керосиновой лампе.

Такое же было с радиоприемниками, телевизорами. Поначалу крестились на дьявольский экран. Потом начали смотреть и слушать. Правда, выключали, когда, по их мнению, шли “сатанинские передачи”» [2, 372-373].

Уже в 1920-1930-е гг. атеистическая пропаганда педагогов и культпросветработников (плюс, разумеется, репрессивная политика государства по отношению к верующим) увенчались известным успехом: ребенка, пришедшего с крестиком на шее, в школе «затюкивали» свои же одноклассники. Особенно доставалось сыну «служителя культа» – выбранного общиной наставника. Мальчика дразнили «Батюшкой», не давали проходу. Молельный дом в селе закрыли в 1940 г., превратили его в склад для зерна, а потом в клуб. После этого верующие тайком проводили службы в домах кого-либо из односельчан. В 1994 г. ушел из жизни последний наставник, никого не благословил, никому не передал духовные дела. Не нашлось в селе мужчины, чтобы мог вести службу, исполнять требы и таинства.

В. П. Гурьев так описывает картину религиозной жизни в своем селе на рубеже XX-XXI столетий: «Без благословения за наставника стала женщина. Это нарушение старообрядческого устава. Не разрешалось женщинам брать в руки кадило. Но она была грамотна, умела читать духовные книги, вести богослужение. Недолго прослужила наставником. Трагическая смерть настигла ее в своем доме; от этой вести все ужаснулись в селе. Это случилось в 1998 году.

Близится к закату, приближается к критической точке старообрядчество в нашем селе. Нет наставника, некому вести службу.

Даже пасхи не освящают, на Рождество не святят воду. С каждым годом уменьшается количество жителей, крещенных в эту веру. Да и в этих людях мало что осталось от старообрядчества. Сейчас уже ни у кого не увидишь лестовку в руках. <...> Впервые за много лет 14 апреля 2001 года настоятель Золочевской православной церкви протоиерей Богдан Иванчук в селе освящал пасхи. Со стороны староверов пришло только 15 человек. От православных – 58. <...> В 2007 году оформлена и оборудована в помещении бывшей конторы молитвенная комната для православных верующих. 24 марта отец Петр из Карасовской церкви провел ее освящение. <...> Староверов мало участвовало» [2, 377, 409].

Населения в селе на тот момент было 182 человека. В старой вере пребывали 104 жителя, остальные – никонианского течения. Своего наставника у староверов больше не появилось. Некоторые староверы стали участвовать в православной службе. Но переходить в православие отказывались.

Еще 20-25 лет назад можно было встретить в Гур-Казачке людей с диковинными отчествами, а кое-кто из старожилов еще носил имена, напрочь забытые на Харьковщине. Немудрено: старообрядцы имя давали строго по святцам: Калиней, Фатей, Ксенафонтий, Каллистрат, Селифон, Парамон, Пахом, Спиридон, Мартын, Мефодий, Гавриил, Харитина, Меланья, Аграфена, Евпраксия, Авдотья, Акулина. Сохранили местные жители своеобразный русский говор, с незначительными вкраплениями украинизмов. Среди гур-казачан сегодня никто не носит бороду по религиозным соображениям, толерантность (большая или меньшая – у всех по-разному) по отношению к иноверцам и атеистам стала нормой, однако почти в каждом доме висят старообрядческие иконы, и память о староверческом прошлом села жива в сознании каждого коренного жителя Гурьева Казачка.

Приложение

Юный отшельник

Жил юный отшельник, он, в келье молясь,
Священную книгу читал, углублясь.
В той книге прочел он, что тысяча лет,
Как день, перед Богом мелькнет и пройдет.
Монах пал в сомненья, стал думать о том,
Что тысячу лет не сравнить с одним днем.
Не верит: в священную книгу глядит,
И видит вдруг: птичка в келью летит.
Вся блещет, сияет и прелесть для глаз,
Как яхонты – перья, а пух – как алмаз.
Когда же вдруг крылья она распахнет,
То радугой светит, то золотом сверкнет.

Прекрасная птичка в полете легка.
Быстрее и легче, как синь облака.
Летать она стала, у двери сидит;
И радостно юный отшельник глядит.
Неслышно подходит: молчит, не дыхнёт.
Только хочет схватить, а она вдруг порхнет.
Она – от него, а отшельник – за ней,
И вот он выходит из кельи своей.
Идет за ограду и в поле идет,
А птичка всё свищет, как будто зовет.
На прекрасное древо присела она,
И пенем чудесным вся роща полна.
И миг наслажденья боясь потерять,
Звук каждый он ловит и жаждет внимать.

Расстроенный сердцем, в восторге душой,
Безмолвно внимает монах молодой.
Вдруг песнь умолкла, опомнился он.

Где же птичка-певичка? Исчезла, как сон.
А птичка взвилась, как будто стрела,
И в небо сокрылась, была – не была.
Вздыхнул юный инок и в келью спешит,
И казалось ему: час в отлучке он был.
Боится, что опоздает в пути,
Что к трапезе ждут, и пора бы прийти.
И вот монастырь, только чудно ему,
Что ограда не та, непонятно уму.
За оградой и новая церковь видна,
Инок дивится: откуда взялася она?

Он стучит у ворот. Вот привратник идет
Незнакомый ему, прежде был, да не тот.
Не пускает монаха в обитель его:
– Ты чужой, не видал я лица твоего.
– И тебя я не знаю, привратник ты иль нет.
Привратник здесь был молод, ты стар и уж сед.
Я вышел отсюда не боле как час,
Чего здесь новый привратник у нас?
Или Спасов не здесь монастырь?
– Он и есть.
– Так пойдй же к игумену и дай о мне весть.

Удивился привратник, игумена зовет.
И вот за игуменом весь причет идет.
Монах пред ними преклонился лицом.
Но только игумен ему незнаком.
И меж братии тоже знакомого нет.
Он смотрит, он ищет своих – не найдет.
И мудрый игумен пришельца спросил,
Какое он имя меж братьев носил.
– Антонием назвал в монашестве я,
При мне был игумен отец Илия.

И все изумились, по книгам глядят,
Нашли имена их лет триста назад.
– Антоний в день Пасхи без вести пропал,
Так писано в книгах,– игумен сказал.
– Дивен Бог в чудесах,– так монах повторил
И вдруг предо всеми свой вид изменил.
Он пал и молился, два дня протекли,
Почил он, и с честью его погребли.

Записал В. П. Гурьев от Анны Дмитриевны Гурьевой (1908-2000) в 1960 г.

Умоляла мать родная

Умоляла мать родная
Свое милое дитя.
Пред кончиною рыдала,
О судьбе ее грустя:
«Распростишься навек со мною,
Ненаглядный мой цветок.
Скоро будешь сиротою,
У тебя отнимут мать.
Мне минута наступила
Тебя навеки покидать.
Скоро хладная могила
У тебя отнимет мать.
Ты, звезда, моя девица,
Пожалей своей красы,
Не сгуби себя, голубка,
Не плети ты две косы.
Не меняй златую волю
На прелестные цветы,
На простую жизнь земную,
На заботы, суеты.

Ты теперь хоть небогата
И в народе не славна,
Навек, птичка, ты крылата,
Беспечальна и вольна.
Не забудь того, девица:
Твой жених – с небес Творец,
Век ты будешь как царица,
С ним пойдешь ты под венец.
Лучше царских там палаты,
Вертограды и сады.
Поле устлано цветами,
Разный запах издают,
Рощи с чудными древами,
Где ангелы поют».

О лени

Восстань, ленивый,
Отряхни сон вскоре,
Воззри на все твари,
На небо и доли,
Как спешат, спешат свое дело
Исполнять пред Творцом.

Солнце и планеты
Текут непрестанно.
Звездный лик вкупе
Светит не мечтанно.
Дают нам во пшеницы,
Дают нам кругом свет.

Птицы прилетают,
Вся древа дубравна
Поют песни сладки,
Жизнь наша забавна.

Ты же спишь беспробудно,
Не радешь ни о чем.

Ты же пока будешь
На одре кататься,
С боку на бок взнаки
Без стыда валяться,
Придет зло, нищета,
От лени беда.

Как на стол собрали
В обеднее время,
Кушанья довольно
Внесли цело бремя,
Лень встает, умывается,
Сам в лице, не кряхтит.

Простирает руку
На всяку похлебку,
Ест, как и здоровый,
Булку и селедку.
Гости все оглянулись
На него, засмеясь.

Лени стыдно стало,
Что ложь обличилась,
Пред честным собраньем
Явственно открылась.
Не мог быть за столом
С гостями, пошел вон.

В клеть свою зашедши,
Пробыл трое суток
Голодным, не евшим.
Помышляет он в себе,
Что будет отвечать на суде.

С другом я вчера сидел

С другом я вчера сидел
И вдруг зрю: смерть мне – предел.
О, горе мне, горе мне великое!

Я на вольном свете жил,
Сильно чрево обожил.
О, горе мне, горе мне великое!

Друга верного нет со мной,
Скрылся свет – хранитель мой.
О, горе мне, горе мне великое!

У огонь, смолу иду
За прегордость, жизнь свою.
О, горе мне, горе мне великое!

Ничему не верил я,
Жил, как пес иль как свинья.
О, горе мне, горе мне великое!

Дней воскресных не почел,
Во грехах все дни провел.
О, горе мне, горе мне великое!

Не почтил отца и мать
И всё тщался раздражать.
О, горе мне, горе мне великое!

В душегубстве виноват,
От меня убит мой брат.
О, горе мне, горе мне великое!

Мимо царства прохожу,
Горько плачу и тужу.
О, горе мне, горе мне великое!

Не будет мне царства там,
Не помилован я сам.
О, горе мне, горе мне великое!

Я попрошу каплю воды
Огорчить своей беды.
О, горе мне, горе мне великое!

А над нами есть Господь непостижим,
От него мы никуда не убежим.
О, горе мне, горе мне великое!

Записал В. П. Гурьев от Ирины Кирилловны Гурьевой (1912-1991), 1963. [2, 479-484]

DOI: <https://doi.org/10.58726/langlit-65-84>

ЛИТЕРАТУРА

1. Голдіна С. О. Боротьба православної церкви та царського уряду зі старообрядництвом у 50-60-х роках ХІХ ст. (на прикладі Харківської губернії) // Українське релігієзнавство. 2003. № 25. С. 73-82;
2. Гурьев В. П. Гурьев Казачок (1672-2014): Краеведческие очерки и материалы: в 2 тт. Т. 1 / сост., ред., предисл., примеч. и доп. М. М. Красикова. Харьков: Эксклюзив, 2016. 528 с.
3. Гурьев В. П. Гурьев Казачок (1672-2014): Краеведческие очерки и материалы: в 2 тт. Т. 2 / сост., ред., предисл., примеч. и доп. М. М. Красикова. Харьков: Эксклюзив, 2017. 567 с.
4. Єремеев П. В. Старообрядництво Харківської губернії: соціальны структури та статистика (1825-1917 рр.). Харків: Раритети України, 2018. 272 с.

5. Єремеев П. В. Старообрядці Харківської губернії (1825-1917): соціальна структура та кількісні характеристики: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2014. 24 с.
6. Колода В. В. и др. Комментарии // Филарет [Гумилевский Д. г.]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии: В 3 т. / Ред. А. Ф. Парамонов и др. Т. 3. Харьков, 2006. С. 173-218.
7. Обченко А. Н. Взаимодействие старообрядцев и государственной власти Российской империи (на основе материалов Змиевского уезда Харьковской губернии середины XIX в.) // Липоване: история и культура русских старообрядцев. 2010. Вып. 7. С. 44-48.
8. Потоцький В. П. Релігійне сектантство в Харківській губернії (1861-1917): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2004. 24 с.
9. Филарет [Гумилевский Д. г.]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии: В 3 т. / Ред. А. Ф. Парамонов и др. Т. 1. Харьков: ИД «Райдер», 2004. 328 с.
10. Чубова В. Страшные участки пути и их осмысление в русских диалектах Слобожанщины // Культурна спадщина Слобожанщини. Культура, мистецтво, філософія, охорона пам'яток : зб. наук.-поп. ст. Харків, 2011. С. 282-288.

ԽԱՐԿՈՎԻ ՇՐՋԱՆԻ ԳՈՒՐԵՎ ԿԱԶՄԱՉՈԿ ԳՅՈՒՂԻ
ՀՆԱԴԱՎԱՆԱԿԱՆՆԵՐԸ. ԱՎԱՆԴՈՒՅԹԻ ԿՅԱՆՔՆ ՈՒ ՎԱԽՃԱՆԸ

Միխայիլ Կրասիկով

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. Ուկրաինա, Խարկովի մարզ, կրոն, հնադավանական, կենցաղ, բանահյուսություն, պատմություն

Հոդվածում վերլուծվում է Խարկովի մարզի Զուլչևի շրջանի Գուրև Կազաչոկ գյուղում հնադավան ավանդույթի գոյության պատմությունը: Հիմնվելով Վ. Պ. Գուրևի տեղական պատմության՝ հեղինակի խմբագրած նյութերի, ինչպես նաև իր սեփական դաշտային գրառումների վրա, ուրվագծվում են մեկուսացման առանձնահատկությունները և գերիշխող ուղղափառ եկեղեցու դիմակայությունը, իսկ խորհրդային տարիներին՝ տեղական համայնքի իշխանությունների հակակրոնական քաղաքականությունը: Ուշադրություն է դարձվում հնադավանների կողմից Մուրբ Ծննդյան և Նոր տարվա տոնակատարության առանձնահատկություններին, նրանց կողմից այնպիսի նորարարությունների ընկալմանը, ինչպիսիք են հեծանիվը, տրակտորը, էլեկտրաէներգիան, ռադիոն, հեռուստացույցը: Ուսումնասիրվում են մենթորության ավանդույթը և հին հավատացյալ համայնքում դրա ոչնչացման պատճառները: Մեջբերվում են հին հավատացյալների շրջանում տարածված երգերի տեքստերը («Երիտասարդ ճգնավոր», «Մայրը աղաչում էր», «Ծուլության մասին», «Երեկ նստեցի ընկերոջս հետ»), որոնք հստակ արտացոլում էին այս կրոնական ենթամշակույթի ներկայացուցիչների աշխարհայացքը:

OLD BELIEVERS OF THE VILLAGE OF GURIEV KAZACHOK
IN THE KHARKIV REGION:
THE LIFE AND DEATH OF A TRADITION

Mikhail Krasikov

Summary

Key words: *Ukraine, Kharkiv region, religion, Old Believers, life, folklore, history*

The article analyzes the history of the Old Believer tradition in the village of Guriev Kazachok, Zolochiv district, Kharkiv region. The characteristics of isolation and conflict with the dominant Orthodox Church are described, along with the anti-religious policies of the local community authorities throughout the Soviet era, based on the author's edited local history of V.P. Gurev and his own field notes. Attention is paid to the features of the celebration of Christmas and New Year by the Old Believers, their perception of such innovations as a bicycle, tractor, electricity, radio, television. The study examines the Old Believer community's mentoring tradition and the factors that led to its demise. The texts of songs popular among the Old Believers ("The Young Hermit", "The Mother Begged", "About Laziness", "Yesterday I Sat with My Friend") are cited, which clearly reflected the worldview of the representatives of this religious subculture.